

«Общительный философ»: Ксавье Леон – модератор интеллектуального сообщества*

Т.Г. Щедрина, И.О. Щедрина

В статье осмысливается интеллектуальное наследие французского философа первой половины XX в., главного редактора журнала *La Revue de métaphysique et de morale*, Ксавье Леона, деятельность и труды которого только начинают выходить из исторического небытия. Опираясь на методологические принципы культурно-исторической эпистемологии, авторы акцентируют внимание на экзистенциальной составляющей формирования научно-философского журнала, философского сообщества, первого Всемирного философского конгресса. В центре внимания переписка Кс. Леона и Э. Галеви, которая играет важную роль в истории французской мысли первой половины XX в. (письма хранятся в Сорбонне, в библиотеке Виктора Кузена). Авторы статьи обращаются к эпистолярному наследию (1891–1892), чтобы продемонстрировать экзистенциальное поле профессиональной философской коммуникации, а также культурно-исторический и социальный контексты, сопровождавшие выпуск первого номера. Анализ архивных материалов Кс. Леона и Э. Галеви позволяет выявить экзистенциальные и интеллектуальные предпосылки формирования не только журнала, но также первого Всемирного философского конгресса и французского философского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эпистолярное наследие, коммуникация, Кс. Леон, Э. Галеви, культурно-историческая эпистемология.

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (МПГУ), профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (ДФУ), редактор журнала «Вопросы философии», Москва.

tannirra@yandex.ru

ЩЕДРИНА Ирина Олеговна – аспирантка философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва.

semargel@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2018 г.

Цитирование: *Щедрина Т.Г., Щедрина И.О.* «Общительный философ»: Ксавье Леон – модератор интеллектуального сообщества // *Вопросы философии*. 2018. № 11. С. 213–222.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01204 «Журнал, Конгресс, Энциклопедия: становление форм междисциплинарной коммуникации в философии XX века (исследование по культурно-исторической эпистемологии)». The research is carried out at expense of RFBR, project Journal, Congress, Encyclopedia: the formation of interdisciplinary communication forms in the XXth century philosophy (a study on cultural-historical epistemology).

Благодарим Наталию Автономову, Алексея Береловича, Веру Мильчину и Бориса Пружинина за участие в обсуждении переводческих эквивалентов.

© Щедрина Т.Г., Щедрина И.О.

Ксавье Леон (21 мая 1868 – 21 октября 1935) – французский философ первой половины XX века – практически неизвестен современным российским и зарубежным интеллектуалам. Его, конечно, знают как организатора первого Всемирного философского конгресса (см.: [Корсаков 2011]). Его имя упоминается в общих работах о философии во Франции периода Третьей республики (например, [Фабиани 2004]). Ему посвящено несколько статей в Европе [Prochasson 1993; Simon-Nahum 1993; Soulié 2006; Soulié 2008], а в России о его деятельности упоминалось в некоторых трудах П.П. Гайденко (как об истории философии, исследователе И.Г. Фихте [Гайденко 1990, 118]), а также в работах И.И. Блауберг (как о младшем современнике Ф. Равессона и организаторе первого Всемирного философского конгресса [Блауберг 2014; Блауберг 2016]). Примечательно, что ни в Философской энциклопедии (1960–1970), ни в Новой философской энциклопедии (2000–2001) о нем нет отдельной статьи. А между тем его интеллектуальное наследие и деятельность как модератора философского сообщества заслуживает серьезного осмысления. Анри Бергсон в обращении в честь тридцатилетия журнала сказал, что французская философия в большом долгу перед Кс. Леоном. Вместе с журналом он позволил ей осознать саму себя и приобрести ценность для интеллектуальной жизни других стран [Bergson 1924, 7]. Архив Кс. Леона, где содержатся письма многих известных философов XX в., приобретает черты архива эпохи [Шедрина 2008, 13]. В настоящее время большое количество писем хранится в университете Сорбонны в библиотеке Виктора Кузена. Как отмечал П. Леон, «...эти письма являются наиболее важным свидетельством по истории французской мысли первой половины XX в.» (цит. по: [Prochasson 1993, 109]). Архив Кс. Леона позволяет проследить пути формирования журнала, организации первого Всемирного философского конгресса и основания французского философского общества¹.

Сегодня на наших глазах меняется наука и философия, на передний план выходят «топ-менеджеры» от философии и науки. Они диктуют интеллектуальному сообществу формы его организации и коммуникации, не вникая в содержание. Именно в этой ситуации исторический опыт Ксавье Леона – создателя журнала *La Revue de métaphysique et de morale* (сокращенно R2M) и вдумчивого историка философии, исследователя Фихте – приобретает особую актуальность. Именно его опыт существования в двух лицах (организатора коммуникации и содержательного исследователя) оказался в центре внимания современных историков философии. Они называют его «бикультурным человеком» (*l'homme double*)² [Soulié 2006]. «Бикультурный» опыт мы обнаруживаем не только в философских трудах Леона. Он концентрируется по большей части в иных формах выражения жизни и мысли: в эго-документах (воспоминаниях, дневниках, эпистолярном наследии). Эго-документы показывают нам, насколько отличается содержательная организация, учитывающая экзистенциальную составляющую, от бессодержательной, конструктивистски ориентированной, направленной на «деловую игру», а не на преобразование реальности в знание.

Ксавье Леон родился в еврейской семье. Его отец занимался торговлей, и семья жила в достатке. Мать Кс. Леона Мари-Сесиль Леви была дочерью известного врача-гигиениста Мишеля Леви, а его дядя (брат матери) Огюст Мишель-Леви, окончив Политехническую школу в 1864 г., заведовал кафедрой геологии в Коллеж де Франс и был членом Академии наук (1896). Как вспоминал Л. Брюнсвик, Кс. Леон воспитывался «в культуре гигиены и политехники» [Brunschvicg 1923]. Он получил прекрасное домашнее образование. Задок Кан, в то время главный раввин Парижа и близкий друг его матери, официально посвятил мальчика в совершеннолетние (обряд бар-мицва). Между тем интерес к философии формировался у Кс. Леона уже вне семьи и еврейской общины во время обучения в лицее Кондорсе. И в этой двойственности семейного воспитания и лицейского образования Кс. Леона мы также можем усматривать черты «бикультурного человека». В лицее он познакомился и подружился с Эли Галеви и Леоном Брюнсвиком, с

которыми впоследствии создавал журнал *La Revue de métaphysique et de morale*³. А к философии его привел лицейский преподаватель Альфонс Дарлю.

В отличие от друзей-лицеистов (Галеви и Брюнсвика), продолживших обучение в l'École normale supérieure, Ксавье Леон выбрал другой путь образования. Как пишет Кристоф Прошассон, Кс. Леон не прошел ступеней французской высшей школы в отличие от большинства первых участников его журнала [Prochasson 1993, 111]. Отказ от привычной образовательной социализации поставил Леона перед выбором дальнейшего жизненного пути. Он решил создать научно-философский журнал и обсуждал эту идею в письмах с друзьями, но одновременно он исследовал творческое наследие Фихте, выступал в качестве транслятора немецкой мысли во французскую интеллектуальную культуру. В 1891 г. не проходило ни дня, чтобы Кс. Леон не отправил одно-два послания. Переписка была тогда приоритетным его занятием, он отводил работе с письмами два-три часа в день.

Особого внимания заслуживает переписка с Эли Галеви (по словам Э. Жильсона, он был «...великодушнейшим, бескорыстнейшим и преданнейшим человеком, воспоминаниями о котором дорожат все знавшие его» [Жильсон 1995, 27]). Они переписывались со школьных лет до самой смерти — больше пятидесяти лет. Переписка затрагивает ключевые события того времени — как политические (дело Дрейфуса, Первая мировая война), так и интеллектуальные (создание журнала, Французского философского общества, организация первого Всемирного философского конгресса). Для Леона это были «письма для удовольствия» (в отличие от «писем по долгу») [Léon, Halévy 1993, 10]. Ему не всегда удавалось отвечать на послания друга вовремя (он ссылается на занятость и признается: «...время течет с чудовищной скоростью»; «...никогда человек не бывает так занят, как в те моменты, когда ничего не делает»). Леон оправдывает свое частое несвоевременное «ответчение» тем, что само молчание есть доказательство наипростейшей дружбы: «...ты первый нарушил молчание, — пишет Леон Галеви после долгого перерыва, — я благодарен тебе за это, но не думай, что в своем молчании я оставался бездеятельным» [Léon, Halévy 1993, 16]. Галеви откликается с иронией: «Никогда не жди следующего дня, чтобы написать письмо под предлогом, “мол, не было времени”»; не оставляй письмо лежащим на столе под предлогом “мол, не было марок”. И если тебе понадобится энергия и поддержка других, обратись к своей жене, которой я доверяю» [Léon, Halévy 1993, 25–26]. Примечательно, что рассуждая о дружбе, Леон ссылается на Платона, о котором Галеви писал в то время диссертацию [Léon, Halévy 1993, 10]. Для настоящей дружбы не нужны бесконечные подтверждения, гораздо важнее молчаливое понимание, которое сохраняется у друзей по прошествии многих лет. Леон и Галеви создают особое эпистолярное поле «разговора», в котором мысль понимается. «Когда мы пишем, — рассуждает Галеви 29 октября 1892 г., — мы живем вне пространства, в некотором все еще идеальном месте, где уже должен существовать журнал *La Revue de métaphysique et de morale* — и еще пока нет» [Léon, Halévy 1993, 30].

В переписке Леона и Галеви запечатлен самый ранний этап становления журнала — обдумывание тематики и названия, которое в процессе обсуждения менялось несколько раз. В письме от 30 августа 1891 г. Галеви предлагал назвать журнал *La Revue rationaliste et morale* [Léon, Halévy 1993, 13], а в письме от 20 апреля 1892 г. называет журнал *La Revue de métaphysique* и говорит, что думает о нем днем и ночью [Léon, Halévy 1993, 18].

В письмах 1891 г. Леон обращал внимание на то, что журнал не сможет успешно функционировать без установки на признание, поскольку он создается и как ответ на неопределенное понимание метафизики, и одновременно для того, чтобы представлять французскую философию на национальном и международном уровнях. Именно поэтому он стремился с самого начала объединить в этом проекте двух своих давних друзей — Галеви и Брюнсвика, разносторонность и универсальность интересов которых соответствовали широте проекта.

При этом, размышляя о том, каким должен быть журнал, Леон призывает: «Будем же рационалистами», т.е. предлагает выступать против эмпириков всех категорий и «...защищать свободу в сердце разума, против тех, кто поддерживает свободную волю

во имя тайны» [Léon, Halévy 1993, 12]. Разумеется, замечает Леон, «...тайна присутствует во всей философии, однако она не может быть принципом объяснения вещей, если только она не отказывается от объяснения чего-либо, то есть не демонстрирует некоторый предел. Поэтому мы должны сделать тайну не принципом, а, наоборот, объектом и материалом для размышления. По правде говоря, тайна – это нечто иное, чем то, что нам дано (das Gegebene Фихте), данность есть тайна, пока она остается данностью, но перестает быть таковой, как только уразумевается» [Léon, Halévy 1993, 12]. В этом рассуждении он фактически полемизирует с концептуальными установками В. Брошара и Э. Бутру. Это рассуждение фактически становится программным. Он предлагает Галеви встретиться в ближайшее время и обсудить концепцию, в соответствии с которой можно было бы свободно принимать или отвергать сотрудничество с позитивистами, эмпириками, мистиками и т.д. (см.: [Léon, Halévy 1993, 12]).

Галеви отвечает Леону 30 августа 1891 г. Он предлагает начать работу над журналом в этом году, пока Леон еще совершенно свободен. Подчеркивает, что нужно действовать против «жалкого позитивизма», выйти из него так же, как и из мучительной религиозности, иначе возникает риск увязнуть; говорит о необходимости найти философию действия и рефлексии, быть «яростными рационалистами». Вопрос в том, рассуждает он, возможно ли это. Если да, то мы будем исторически преемниками Ренувье и его журнала *Critique Philosophique*, который был мертв в течение многих лет. Однако, если Ренувье понял, что кантианский субъективизм был островком спасения в позитивистском потоке, его феноменализм был всего лишь ложным теоретическим субъективизмом, а его мораль свободной воли – ложным практическим субъективизмом. Мы пытаемся быть действительно критичными и действительно догматичными, исходя из понимания догматизма в широком смысле этого слова, а не из того узкого догматизма, который сгубил Ренувье (см.: [Léon, Halévy 1993, 13]). В понимании Галеви это метафизический догматизм. Особую актуальность для современных исследований имеет рассуждение Галеви о том, что метафизика может пониматься не как наука с особым проблемным полем, но как метод, который противопоставляется позитивистскому наблюдению. 30 августа 1891 г. Галеви уже полагал, что организаторы «почти пришли» к окончательному согласию по поводу журнала. Так складывались основания французской философии XX в., она и сегодня обладает этими характеристиками.

Не менее важный содержательный вопрос, который постоянно обсуждают Леон и Галеви: формирование портфеля журнала и подбор авторов. Очень остро этот вопрос стоял во время работы над первым номером, ведь от этого зависело, как воспримут журнал в философском сообществе, сочтут ли его достойным внимания научные и политические круги. Судя по письмам, уже в 1891 г. идея журнала (просто задуманная) находит понимание и поддержку среди таких философов-профессионалов, как А. Бергсон, В. Брошар, Л. Кутюра, М. Бернес, Ж. Перес, В. Дельбо и др. Особо стоит отметить деятельность философа Фредерика Ро (Frederic Rauh, 1861–1909), который помогал основателям журнала. Он написал несколько писем коллегам из Прованса и благодаря этому Леон заручился поддержкой Дельбо, Геннекена и др., которые обещали более или менее тесное сотрудничество и самые живые отклики. Он подводил Леона к мысли о расширении как редакции, так и перечня научных дисциплин в журнале. Он выполнял роль посредника (бикультурного человека, каковым можно считать и Леона), рекомендовал Леону заручиться поддержкой Бутру и Лашелье, поторопить Г. Сеайля и В. Брошара с написанием статей. Говорил, что в первую очередь необходимо устранить возникшее недоверие по поводу молодости самого Леона, а также подозрения в чрезмерной склонности к одной лишь морали или метафизике. Он также участвовал в обсуждении названия журнала, предлагал удалить из заголовка термин «метафизика» и назвать журнал *La Revue des questions philosophiques*. Ро очень хорошо понимал, что журнал не должен ограничиваться областью одной только философии, поскольку это касается и личных интересов, и целостной стратегии. Занимаясь моральными и метафизическими вопросами, Ро написал для *La Revue de métaphysique et de morale* более 20 статей.

И Леон, и Галеви осознавали, что в первом номере журнала – и в предисловии, и в подборке статей, и, безусловно, в передовой – должна прозвучать программа. Нужно

было найти философа, который стал бы ее защитником. И, что интересно: Леон и Галеви открывали первый номер только небольшим вступлением, а программную статью попросили написать одного из старейших философов Франции того времени Феликса Равессона (см.: [Ravaisson 1893]). Кс. Леон в 1892 г. писал ему об этом как «подлинному наставнику молодежи», способному искренне отстаивать интересы истинной Метафизики в новом журнале, где для совместной работы собираются «...ученые, которые также являются философами» [Léon 1938, 198–199]. Как указывает И.И. Блауберг: «В названии журнала звучит полемическая нота: ведь в то время уже очень сильны были позитивистские настроения, ставившие под сомнение статус и значимость метафизики. Леон и Галеви видели задачу журнала в противодействии этим настроениям, в определении подлинной роли метафизики в культуре. Таким образом, статья Равессона призвана была стать программной, задать направление будущих исследований» [Блауберг 2014, 141]. Мы полагаем, что этот поступок заслуживает внимания, так как он указывает на существование исторической преемственности, характеризующей французское философское сообщество. Равессон ответил очень быстро, о чем с восхищением сообщает Леон в письме Галеви от 25 октября 1892 г.: «...этот человек в 80 лет на зависть активен. Он вернулся из Венеции, бегает по лестницам... рисует по утрам, пишет по вечерам, всегда разумен, завидует Тициану, написавшему в 99 лет собственный портрет» [Léon, Halévy 1993, 26].

По переписке видно, что практически весь 1892 год Леон и Галеви обсуждали предисловие к первому номеру. В ответ на программные рассуждения Леона Галеви предлагает свое видение концепции издания в письме от 21 октября 1892 г. Он полагает, что журналу нужно продвигаться между двумя крайностями: догматизмом, присущим *Critique philosophique* (Ш. Ренувье и Ф. Пийон), и эклектизмом, характерным для *La Revue philosophique* (Т. Рибо). При этом он подчеркивает, что необходимо избегать излишней централизации и привлекать к работе самых разных ученых, способных выразить через свою область знания ключевые проблемы метафизики. Нужно показать, что общие научные проблемы могут рассматриваться как метафизические, ведущие начало из античной философии: соотношение абстрактного и конкретного, логики и реальности и др. При этом важно принимать во внимание, что соотношение научных и метафизических проблем имеет, в сущности, еще и моральный смысл: «...ученые и метафизики открывают одновременно одни и те же концепции: идея числа в науке и у Пифагора, понятие силы – в физике, у Аристотеля и особенно у Лейбница. Строго говоря, ученый глазами метафизика находит проблемы, а не решения. Дialeктическое обоснование наших понятий, категорий разума принадлежит метафизику, который работает в более сложном и широком поле, нежели наука» [Léon, Halévy 1993, 24]. К примеру, как возможно познание объективной истины, когда субъект провозглашается свободным? «Неважно, – продолжает Галеви, – в каких именно терминах это может быть выражено, достаточно чего-то краткого и общего и одновременно достаточно весомого» [Léon, Halévy 1993, 24]. Фактически мы можем увидеть в этих попытках первые шаги философского обоснования междисциплинарности. Но не это главное. Важнее сегодня актуализировать тот факт, что и Галеви, и Леон прекрасно понимали ценностный потенциал научного познания, его экзистенциальную устремленность, недаром они вводили моральную предпосылку в метафизический фундамент развития научного знания. Здесь также проявляется «бикультурный» смысл деятельности Кс. Леона и Э. Галеви, которые пытаются сохранить в концепции журнала целостность и ценность классической познавательной установки при расширении культурного горизонта.

И, конечно, в данном контексте мы просто не можем не обратить внимания на последний абзац предисловия, который все ставит на свои места и открывает экзистенциальный смысл интеллектуальных устремлений создателей журнал *La Revue de métaphysique et de morale*. «Служение делу разума, служение благу и чести своей страны – такова идея, которая заворожала молодых людей до такой степени, что они одержали верх и над личными слабостями, и над общими трудностями, характерными для этой деятельности. Так родился Журнал, который читатель держит в руках. Тот же, кто посчитает это полезным для себя, может поддержать его весьма простым, хотя порой и затратным с точки зрения времени, способом: читая его» [Halévy, Léon 1893, 5]. И «служение» здесь

понимается отнюдь не как «прислуживание», но как стремление к высоким достижениям, как возвышение человека над самим собой в процессе научной и философской деятельности [Пружинин 2004].

В это непростое время (1891–1892), когда формальная коммуникация в журнале накатывает как снежный ком, Леон делает первые наброски к фундаментальному историко-философскому труду о Фихте «Снова о себе: в течение двух дней вернулся к работе над статьей о Фихте (рьяно!), наткнулся на новую интересную статью Франсуа Эвеллина⁴» [Léon, Halévy 1993, 17]. В этой работе Леона также проявляется его принципиальная «бикультурная» характеристика. Он исследует Фихте неформально, он ищет в нем человека. Эта установка звучит в предисловии Леона к уже готовой книге о Фихте: «Жизнь Фихте – это познание свободы. Однако философия Фихте учит нас, что свобода не навязывается извне, но возникает из наиболее потайных уголков души. Ее невозможно изучить по книгам; ее провоцирует размышление, порожденное встречей с Настоящим человеком, откровением живой морали. Нет свободы без приглашения, без посвящения. Опыт свободы предполагает... восхождение личности к достоинству духа... Это возвышение делает человека человеком, и это, согласно Фихте, образование как оно есть» [Léon 1902, VII].

В «письмах для удовольствия» Леон не кривит душой. Если ему бывает трудно выразить мысль, он пишет об этом прямо: «Боюсь застрять в мыслях», «боюсь, что мое перо не способно полностью выразить и описать все» (сентябрь 1891). Он искренне признается Галеви в письме от 29 сентября 1892 г.: долго не писал и не столько потому, что было много работы с журналом, сколько потому, что успел в это же время жениться и по случаю свадьбы оставить Нормандию, уехав в центральную Францию [Léon, Halévy 1993, 19]. При этом повседневная жизнь не заменяет интеллектуальную, но дополняет ее. Во время свадебного путешествия Леон продолжает знакомиться с авторами журнала и готовит первый номер. Письма и визиты следуют один за другим (только в октябре Леон встречался с А. Бергсоном, Л. Кутюра, А. Дарлю, В. Дельбо, в ноябре с Ж. Ланьо, Ж. Лашелье, В. Брошаром, А. Дарлю). А 4 ноября он признается Галеви: «Я пишу столько писем и столько людям, что я никогда не знаю, что я сказал каждому, я пишу всё быстрее и быстрее» [Léon, Halévy 1993, 31]. При этом он перечисляет множество фамилий, которые мы потом увидим в содержании журнала. Чтобы успевать «функционировать» в журнале, у Леона было все необходимое: «немного времени, увлеченность и автоматизм», как иронично замечает Галеви в письме от 26 октября 1892 г. [Léon, Halévy 1993, 28]. Конечно, Леону очень хотелось получить философское одобрение Э. Бутру, к которому с визитом отправился Галеви. В итоге «полный успех». Теоретически, пишет Галеви Леону, он абсолютно с нами. На практике тоже не возражает. Не обязательно дерзить и конкурировать с *Revue philosophique*, необходимо сделать все мирно.

По мере этого содержательного погружения в «журнал» Леон начинает «осознавать всю тяжесть своей миссии» [Léon, Halévy 1993, 23]. В это время все чаще всплывают повседневные проблемы издания: несвоевременные сдачи текстов, «отложенные» статьи, «критические» письма авторов по поводу программы журнала и т.д. Он сам об этом пишет 11 октября 1892 г.: «Видел Бергсона и Кутюра. Бергсон просится во второй номер и не хочет слышать о первом по причине времени и семитской осмотрительности. Кутюра привез мне книги, заявляя, что чувствует себя совершенно неспособным спорить с Ренувье, дискуссия откладывается на год» [Léon, Halévy 1993, 23]. Одновременно Леон «выбивает» статью у Пуанкаре, переписывается с Равессоном и Бергсоном. И если Равессон текст подготовил вовремя, то первая статья Бергсона, несмотря на все его уверения, появилась намного позже, в 1896 г.

Да, по мере содержательного погружения в организационную работу Леону стало трудно, но он продолжал искренне общаться, и это спасало его от уныния и от усталости, накапливавшейся от формального общения. Он был вдохновлен идеей, которую потом ясно выразил Бергсон: «В действительности Ксавье Леон, вероятно, предчувствовал то, что стало совершенно очевидным впоследствии: самые удивительные наши открытия и изобретения обернутся против нас, если мы не сумеем их подчинить;

неуклонно растущее тело человечества утратит способность двигаться, если его не будет направлять и даже просто поддерживать духовная энергия» [Бергсон 2010, 294].

Первый номер журнала вышел в 1893 г. В него вошли оригинальные статьи известных французских авторов, материалы дискуссий, критические заметки и новости философского образования, а также некрологи. Эта структура сохраняется (с небольшими корректировками) и ныне. Сначала журнал выходил шесть раз в год, а с 1920 г. стал ежеквартальным. Название журнала – попытка продемонстрировать практическую ценность метафизики. Кс. Леон оставался на посту секретаря редакции (*Secrétaire de rédaction*) до самой смерти. Его сменил Доминик Пароди, пробывший на этом посту еще 20 лет, также до смерти. К этому времени журнал стал ведущим французским философским изданием. Затем реактором стал Жан Валь. До Второй мировой войны иногда выходили тематические номера журнала. Например, номера, посвященные Канту (1904, столетие со дня смерти), Руссо (1912, двухсотлетие со дня рождения), Паскалю (1923, 300-летие со дня рождения), Гегелю (1931, столетие со дня смерти), Декарту (1937, 300-летие «Рассуждения о методе») и др. Среди авторов журнала – практически все известные французские философы, а также многие выдающиеся зарубежные авторы (Бертран Рассел, Альфред Уайтхед; Бенедетто Кроче и Джованни Джендилье; Мигель де Унамуно; Эдмунд Гуссерль и др.). В журнале впервые были опубликованы: «Логика бесконечного» Анри Пуанкаре (1909), «Философская интуиция» Анри Бергсона (1911), «Искусство и метафизика» Этьена Жильсона (1916), «Экзистенция и объективность» Габриэля Марселя (1925), «Религия и философия» Леона Брюнсвика (1935) и т.д. Журнал стал свободной площадкой для обсуждения новых идей и статей из словаря *Vocabulaire technique et critique de la philosophie* (см. об этом: [Щедрина 2012]), открытым «местом встречи», где общались философы, которые пытались найти новые интеллектуальные пути и открыть мысль Франции начала XX в. всему миру.

Ксавье Леон («общительный философ», по мнению Селестена Бугле) держал философский салон, который был и музыкальным. Гости философского очага («очага идей», говоря словами Ксавье Леона) хранили воспоминания о компанейском, товарищеском характере встреч «скорее семейных, чем салонных» (Андре Лаланд). Об этом говорил и Жильсон: «Следует отметить, что не только журнал Ксавье Леона был свободным и доступным, но и двери его дома всегда были открытыми для молодежи – так образовалось что-то вроде философской семьи, принадлежность к которой те, кто остались в живых после стольких лет, наполненных трагическими испытаниями, ощущают и сейчас» [Жильсон 1995, 27]. Э. Жильсон опубликовал это рассуждение о журнале и Ксавье Леоне в 1960 г., таков был духовный импульс, который задал этому изданию подлинный модератор философского сообщества.

Примечания

¹ В данной статье будут рассмотрены архивные материалы именно 1891–1892 гг. (периода подготовки первого номера журнала *La Revue de métaphysique et de morale*).

² Слово сочетание «l'homme double» можно перевести как «двойственный человек», однако в таком переводе не фиксируется то, что у «l'homme double» две социальные роли, в которых он себя реализует одинаково успешно. Другой вариант перевода: «двуликий человек» (по аналогии с «двуликим Янусом»). Но мы не выбрали его потому, что в нем заложен негативный смысл («двуличный», «неискренний»), который отсутствует в словосочетании «l'homme double». Следующие варианты: «двувалентный человек», «человек с двойной ролью», «человек с двойственной ролью». Мы решили, что эти переводы фиксируют смысл «l'homme double», однако в плане словесного выражения слишком длинные (объясняющие, а не называющие). Мы выбрали вариант «бикультурный человек» (по аналогии со словом «билингв» [фр. *bilingue* <лат. *bi* дву(х) + *lingua* язык], т.е. человек, который одинаково свободно владеет двумя языками). Ход рассуждений К. Шарля можно интерпретировать следующим образом: «Бикультурные люди» (*l'hommes doubles*) находятся на перекрестке двух разных культурных уровней, являясь одновременно и границей, и переходом между ними. Одна из фундаментальных характеристик «бикультурного человека» состоит в том, что исследователь-историк не может связать появление подобных фигур в культурной

сфере с процессом профессионализации, поскольку такой тип людей возникает и в области свободных профессий (см.: [Charle 1992, 75]). Мы полагаем, что «бикультурный человек» сочетает в себе культурно-историческую устремленность к содержательному познанию (к знанию как благу) с четкой фиксацией социальной функции, которое это знание может выполнять в обществе. Именно поэтому в качестве важнейшей характеристики «бикультурного человека» выступает трансляция культурно-исторического опыта в общество посредством организации выставок, постановок, переводов, публикаций и т.д. Фактически это интеллектуальные и культурные посредники, создающие поле общения на личностном уровне.

³ Примечательно, что журнал выходил в том же социальном кругу, что и *La Conque, Le Banquet, La Revue Verte* (авторы и издатели – Д. Галеви, Л. Блюм, М. Пруст – выпускники лицея Кондорсе).

⁴ Имеется в виду издание [Evellin 1891].

Источники – Primary Sources in Russian and French

Бергсон 2010 – *Бергсон А.* Послание Декартовскому конгрессу // Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 294–298 [Bergson, Henri *Message au Congrès de Descartes*, Russian Translation].

Bergson, Henry (1896) ‘Perception et matiere’, *Revue de Métaphysique et de Morale*, 4, 3, pp. 257–279.

Bergson, Henry (1924) *Trentenaire de la Revue de métaphysique et de morale: Hommage a Xavier Léon*, P.U.F., Paris.

Brunschvicg, Léon (1923) *Allocution de banquet du trentenaire de la Revue de métaphysique et de morale*, Sorbonne Université, Bibliothèque Victor Cousin, fonds Xavier Léon, ms 367.

Evellin, François (1891) ‘De la possibilité d’une méthode dans les problèmes du réel. Le second moment de la méthode’, *Revue Philosophique de la France et de l’Etranger*, 28, 1, pp. 331–367.

[Halévy, Elie, Léon, Xavier] (1893) ‘Introduction’, *Revue de métaphysique et de morale*, 1, pp. 1–5.

Léon, Xavier (1902) *Fichte et son temps*, F. Alcan, Paris.

Léon, Xavier (1938) ‘Lettre a Félix Ravaisson’, *Revue de métaphysique et de morale*, 45, 2 (Avril 1938), pp. 197–199.

Léon, Xavier, Halévy, Élie (1993), ‘Correspondance (1891–1898)’, *Revue de métaphysique et de morale*, 1–2, pp. 3–58.

Ravaisson, Félix (1893) ‘Métaphysique et Morale’, *Revue de métaphysique et de morale*, 1, pp. 6–25.

Ссылки – References in Russian

Блауберг 2014 – *Блауберг И.И.* Истоки бергсонизма. Философия Феликса Равессона. М.: ИФ РАН, 2014.

Блауберг 2016 – *Блауберг И.И.* «Философская интуиция» А. Бергсона – размышления о сущности философского творчества // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 2. С. 24–36.

Гайденко 1990 – *Гайденко П.П.* Парадоксы свободы в учении Фихте. М.: Наука, 1990.

Жильсон 1995 – *Жильсон Э.* Философ и теология / Пер. с франц. К. Демидова. М.: Гнозис, 1995.

Корсаков 2011 – *Корсаков С.Н.* О всемирных философских конгрессах начала XX века // Философские науки. 2011. № 1. С. 124–128.

Пружинин 2004 – *Пружинин Б.И.* Ratio Serviens? // Вопросы философии. 2004. № 12. С. 41–55.

Фабиани 2004 – *Фабиани Ж.-Л.* Философы республики // Логос. 2004. № 3–4 (43). С. 91–122.

Щедрина 2008 – *Щедрина Т.Г.* Архив эпохи: тематическое единство русской философии. М.: РОССПЭН, 2008.

Щедрина 2012 – *Щедрина Т.Г.* Владимир Ивановский и Густав Шпет: методологический проект «истории понятий» // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 10–18.

Philosophe sociable:
Xavier Léon – Moderator of the Intellectual Community

Tatiana G. Shchedrina, Irina O. Shchedrina

The article reflects on the intellectual heritage of the French philosopher of the first half of the 20th century, the chief editor of the journal *La Revue de métaphysique et de morale* Xavier Léon, whose activities and works are just beginning to emerge from historical oblivion. On the basis of methodological principles of cultural-historical epistemology, the authors focus on the existential component of the formation of the scientific-philosophical journal, the philosophical community, the first World Philosophical Congress. The focus is on the correspondence of Xavier Léon and Élie Halévy, which plays an important role in the history of French thought of the first half of the 20th century (letters are stored in Sorbonne, in Victor Cousin's library). The authors turn to the epistolary heritage (1891–1892) in order to demonstrate the existential field of professional philosophical communication, as well as the cultural, historical and social contexts that accompanied the release of the first issue *La Revue de métaphysique et de morale*. The analysis of the archival materials of X. Léon and Élie Halévy makes it possible to reveal the existential and intellectual prerequisites of the formation not only of the journal itself, but also of the first World Congress of Philosophy and the French Philosophical Society.

KEY WORDS: epistolary heritage, communication, X. Léon, É. Halévy, cultural-historical epistemology.

SHCHEDRINA Tatiana G. – DSc in Philosophy, Professor at Department of Philosophy of Institute of Social Humanitarian Education at Moscow Pedagogical State University, Professor at Department of Philosophy of School of Humanities at Far Eastern Federal University (FEFU), Editor of Journal *Voprosy Filosofii*, Moscow.

tannirra@yandex.ru

SHCHEDRINA Irina O. – Postgraduate, Department of philosophy of the State Academic University for Humanities, Moscow.

semargel@mail.ru

Received at September 20, 2018.

Citation: Shchedrina, Tatiana G., Shchedrina, Irina O. (2018) '*Philosophe sociable: Xavier Léon – Moderator of the Intellectual Community*', *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2018), pp. 213–222.

DOI: 10.31857/S004287440002029-6

References

Blauberger, Irina I. (2014) *The origins of bergsonism Félix Ravaisson's Philosophy*, Institut Filosofii RAN, Moscow (in Russian).

Blauberger, Irina I. (2016) 'Henri Bergson's Philosophical Intuition as reflexions on the nature of philosophical creativity', *The Philosophy Journal*, Vol. 9, N 2, pp. 24–36 (in Russian).

Charle, Christophe (1992) 'Le temps des hommes doubles', *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1, pp. 73–86.

- Fabiani, Jean-Louis (1988) *Les Philosophes de la République*, Minit, Paris (Russian translation, 2004).
- Gaidenko, Piama P. (1990) *Paradoxes of freedom in the studies of Fichte*, Nauka, Moscow (in Russian).
- Gilson, Ettiienne (1960) *Le Philosophe et la Théologie*, Libraire Arthème Fayard, Paris (Russian translation 1995).
- Korsakov, Sergey N. (2011) 'On the World Philosophical Congresses in the early 20th century', *Filosofskie nauki*, 1, pp. 124–128.
- Prochasson, Christophe (1993) 'Philosopher au XXe siècle: Xavier Léon et l'invention du «système R2M» (1891–1902)', *Revue de métaphysique et de morale*, 98, № 1–2, pp. 109–140.
- Pruzhinin, Boris I. (2004) 'Ratio Serviens?', *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2004), pp. 41–55 (in Russian).
- Simon-Nahum, Perrine (1993), 'Xavier Léon/Élie Halévy Correspondance (1891–1898)', *Revue de métaphysique et de morale*, 98, 1–2, pp. 3–9.
- Shchedrina, Tatiana G. (2008) *The archive of an epoch: thematic unity of Russian Philosophy*, Politicheskaya encyklopedia, Moscow (In Russian).
- Shchedrina, Tatiana G. (2012) 'Vladimir Ivanovsky and Gustav Shpet: a methodological project on the *history of concepts*', *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2012), pp. 10–18 (in Russian).
- Soulié, Stéphan (2006) 'Xavier Léon, philosophe', *Archives Juives*, 39, 1, pp. 143–147.
- Soulié, Stéphan (2008) 'La Belle époque de la Revue de métaphysique et de morale: horizon académique et tentation du politique (1891–1914)', *Le Temps des médias*, 2, 11, pp. 198–210.